

Театр и жизнь
Журнал. №28. Июнь 1930 г.

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 792
ББК 85.33
Т29

Т29 Театр и жизнь: Журнал. №28. Июнь 1930 г. / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 36 с.

ISBN 978-5-458-58219-3

ISBN 978-5-458-58219-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

А. К. Глазуновъ и „Князь Игорь“

Читатели «Театра и Жизни» уже знаютъ изъ многочисленныхъ критическихъ отзывовъ и отчетовъ о необыкновенномъ успѣхѣ «Князя Игоря» въ Парижѣ. Поэтому я не буду возвращаться къ этой темѣ, достаточно всѣмъ уже извѣстной. Я хочу сказать здѣсь нѣсколько словъ совсѣмъ по другому поводу: меня удивило, что восторженные овалы, выпавшія, по справедливости, на долю дирижера А. Коутса, режиссера А. Санина, декоратора И. Библина и вдохновителей этого блестящаго дѣла: кн. А. Церетели и его помощника де-Базилля, совершенно не коснулись нашего славнаго композитора А. К. Глазунова, присутствовавшаго на первомъ спектаклѣ. Это, можетъ быть, до некоторой степени, объяснимо недостаточной освѣдомленностью большой публики объ участіи А. Глазунова въ творствѣ этой замѣчательной оперы. Но и ни въ музыкальной критикѣ, ни въ программахъ спектакля, тщательно и роскошно изданныхъ, мнѣ не пришлось встрѣтить этого имени. Между тѣмъ безъ Глазунова мы никогда не имѣли бы въ нашемъ репертуарѣ «Князя Игоря»...

Вотъ на это обстоятельство мнѣ и хочется остановить на минуту вниманіе читателя.

Бородинъ задумалъ свою оперу въ началѣ 1869-го года и съ большимъ увлеченіемъ принялся за работу, но съ теченіемъ времени разныя обстоятельства вынуждали его прерывать эту работу. Ко времени знакомства и дружескаго сближенія Бородина съ Глазуновымъ, въ періодъ 1882 года, нѣсколько номеровъ «Князя Игоря» были закончены, оркестрованы и исполнены въ концертахъ. Однако, огромная, большая часть матеріала оставалась въ недоконченныхъ эскизахъ, наброскахъ и просто въ первоначальныхъ черновикахъ. Работы оставалось безконечно много до окончанія оперы, и вскорѣ ближайшіе свидѣтели этой работы Н. А.

Римскій-Корсаковъ и А. К. Глазуновъ замѣтили, что самъ Бородинъ сталъ сомнѣваться въ возможности скорого окончанія, съ такимъ одушевленіемъ начатаго, труда, тѣмъ болѣе, что онъ началъ въ это время увлекаться сочиненіемъ своей «Третьей Симфоніи», о которой говорилъ восторженно и считалъ если ему удастся сдѣлать ее, какъ онъ ее задумалъ, самой лучшей изъ его симфоній. И Римскій-Корсаковъ и Глазуновъ всячески убѣждали его не

откладывать въ долгій ящикъ окончанія оперы, но композиторъ отшучивался и все рѣже и рѣже возвращался къ работѣ надъ партитурой «Игоря». Но, однажды, очевидно, предчувствуя свой близкій конецъ, онъ сказалъ имъ серьезнымъ тономъ:

— Нѣтъ, я вижу, что я не смогу окончить эту оперу. Вы вдвоемъ должны сдѣлать это послѣ моей смерти.

Предчувствія не обманули его. А. Бородинъ скончался 15-го февраля 1887 года, и его послѣдняя воля была свято исполнена его двумя друзьями. Нужно ли говорить, что они горячо принялись за работу и что работа эта была не только одной изъ самыхъ трудныхъ, но и чрезвычайно отвѣтственныхъ. Весной этого же года они начали ее, распредѣливъ такимъ образомъ: Римскій-Корсаковъ взялъ на себя общее наблюденіе, инструментовку и окончаніе болѣе или менѣе зафиксированныхъ на бумагѣ номеровъ. На долю Глазунова выпала болѣе

сложная и отвѣтственная работа: сочиненіе недостававшей музыки къ большей части оперы и написаніе цѣликомъ увертюры по памяти. Только близкое и интимное знакомство съ намѣреніями композитора, съ духомъ его творчества, съ методами его работы позволили Глазунову блестяще выполнить эту гигантскую по трудности задачу. Возстановленіе и объединеніе въ одно цѣлое разрозненныхъ и отрывочныхъ матеріаловъ, къ то-

му же неразборчиво набросанныхъ, было дѣломъ нелегкимъ. Но глубокое знаніе бородинской музыки, изумительная по своей исключительности музыкальная память Глазунова и чувства горячей дружбы къ покойному помогли ему съ блескомъ выйти изъ этого испытанія. Подумайте только объ одной этой увертюрѣ: она не была написана Бородинымъ, который игралъ ее не разъ Глазунову на роялѣ. И вотъ, она вся восстановлена на память, причемъ всѣ нехватавшія для связи звенья были заново сочинены этимъ замѣчательнымъ реставраторомъ «въ духѣ и истинѣ» бородинскаго творчества. Глазуновъ работалъ надъ этой вещью съ такой страстной любовью, какъ будто надъ своимъ собственнымъ сочиненіемъ. И, конечно, безъ Римскаго-Корсакова и безъ него «Князь Игорь» никогда не увидѣлъ бы свѣта ramпы, и русская музыка лишилась бы одного изъ своихъ капитальнѣйшихъ произведеній.

Опера, въ ея совершенно готовомъ видѣ, была закончена въ 1890-мъ году. Осенью этого года она была поставлена на сценѣ Маріинскаго театра въ Петербургѣ и издана «Музыкальнымъ Издательствомъ М. П. Бѣляева» въ Лейпцигѣ. Слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ покойный С. П. Дягилевъ поставилъ ее впервые въ Парижѣ, и съ тѣхъ поръ она періодически возобновляется въ разныхъ оперныхъ предпріятіяхъ, сдѣлавшись такой же любимой французами оперой, какъ и нами, русскими. За все это мы, русскіе, не можемъ не сказать сердечнаго спасибо покойному Римскому-Корсакову и благополучно здравствующему и живущему среди насъ А. К. Глазунову, положившему на возсозданіе «Князя Игоря» не только много чисто реставраціоннаго труда, но и еще в значительнѣе большей мѣрѣ своего творческаго вдохновенія.

Валеріанъ Свѣтловъ

Photo Lipnitzky.

ПРОЛОГЪ ОПЕРЫ «КНЯЗЬ ИГОРЬ» ПО ЭСКИЗАМЪ АКАДЕМИКА И. БИЛИБИНА

Слѣдующій номеръ журнала „ТЕАТРЪ и ЖИЗНЬ“ посвящается талантливымъ руководителямъ художественно-музыкальной части Русской Оперы въ Парижѣ: известному дирижеру А. КОУТСУ и знаменитому постановщику А. САНИНУ.

Николай I, Глинка и общество

...У заставы онъ вышелъ изъ кареты, простился, потомъ, плюнувъ, сказалъ:

— Когда бы мнѣ никогда болѣе этой гадкой страны не видать!...

И уѣхалъ за границу. Желаніе исполнилось: Россія Глинка больше не увидѣлъ. Въ Петербургъ привезли его тѣло. О своей странѣ Глинка выразился все-таки жестоко. Въ этомъ приговорѣ, конечно, не играла никакой роли политика. Ей Глинка былъ чуждъ такъ, что не захотѣлъ даже задуматься надъ декабрьскимъ возстаніемъ. Оно прошло мимо него, и въ его запискахъ отражено нѣсколькими строками. Ничего не могъ имѣть великій композиторъ и противъ царствующаго императора. Николай I къ нему относился съ большимъ вниманіемъ, цѣнилъ Глинку, былъ однимъ изъ его горячихъ поклонниковъ, принялъ живое участіе въ процедурѣ перевезенія его тѣла, съ начала до конца оставался его вѣрной поддержкой. Презрительныя слова о Россіи рождены другимъ. Терніи генія узналъ и Глинка. Рядомъ съ поклоненіемъ, обожаніемъ друзей, завиднымъ окруженіемъ писателей, композиторовъ, — среди нихъ Пушкинъ, Жуковский, Грибоѣдовъ, Гоголь, Кукольникъ, Даргомыжскій —, вполне естественно Глинка встрѣчалъ и зависть, и злоязычіе, и непониманіе. Лучшее доказательство — пріемъ «Жизни за царя». Петербургская аристократія сказала про оперу:

— Это — музыка для кучеровъ!

Это должно было отозваться больно. Говоря объ этомъ глупомъ приговорѣ, въ своихъ воспоминаніяхъ Глинка раздраженно записалъ:

— Это хорошо и даже вѣрно, ибо кучера, по моему, дѣлнѣе господъ!

Чего стоитъ одинъ успѣхъ «Жизни за царя»! Спектакль проходилъ прекрасно, и чѣмъ дальше, — тѣмъ лучше. Глинка «былъ въ чадѣ». Занавѣсъ опустился, и Глинку тотчасъ же позвали въ боковую императорскую ложу. Первымъ поблагодарилъ государь, послѣ него привѣтствовала императрица, великіе князья и княжны, и вскорѣ Глинка получилъ императорскій подарокъ: перстень съ топазомъ, окруженный тремя рядами превосходнѣйшихъ брилліантовъ.

Такъ было всегда. Въ октябрѣ 1850 г. вел. кн. Ольга Николаевна пріѣхала въ Варшаву. Тамъ въ это время жилъ Глинка. Она объявила князю Паскевичу, что не уѣдетъ, не увидѣвъ композитора.

Точно также съ тайнымъ и явнымъ восхищеніемъ относились къ Глинкѣ знакомые, друзья, люди искусства. Тутъ кстати будетъ сказать о знаменитой «братіи». На друзей Глинки многіе потомъ возлагали тяжкую отвѣтственность за поведеніе и проказы Глинки. Словъ нѣтъ: все это было, но причины этихъ молодыхъ увлеченій и шалостей нужно искать совсѣмъ въ другой обстановкѣ. Но и грѣхи были невелики. Глинка вспоминаетъ, какъ

онъ иногда проводилъ время въ Павловскѣ. Тамъ онъ, между прочимъ, познакомился съ Жуковскимъ и сблизился съ гр. Вельегорскимъ. Вмѣстѣ они ѣздили къ кн. Вас. Петр. Голицыну на Черную рѣчку. Князь хорошо пѣлъ теноромъ. Въ августѣ Толстые и еще нѣсколько молодыхъ людей рѣшили потѣшить публику. Взяли два катера, украсили ихъ фонарями, трубачей Кавалергардскаго полка. На кормѣ было прилажено маленькое фортепіано. Аккомпанировалъ и управлялъ хоромъ Глинка. Въ вечернемъ воздухѣ, надъ тихой водой поплыла, звеня, венеціанская баркаролла, за ней другія пьесы, раздались стройные сильные, величественные звуки трубъ; и это происшествіе попало въ печать.

Въ Петергофѣ въ обществѣ друзей, Глинка находилъ душевный отдыхъ, сюда бѣжалъ каждый разъ отъ семейнаго ужаса. «Мнѣ гадко было у себя дома» — говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ. Женитьба стала темной страницей его жизни: М. П. Иванова была хорошенькой, но пустой женщиной, къ тому же капризной. Особенно донимала теща. Под аккомпаниментъ тещиныхъ сѣтованій, жениныхъ всхлипываній Глинка ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и, на «каждомъ поворотѣ, упирался на правую ногу, тщательно обрисовывалъ носкомъ лѣвой полъ-круга, потомъ медленно надѣвалъ перчатки, бралъ шляпу и, учтиво раскланявшись съ дамами, отправлялся къ пріятелямъ. Тамъ онъ оставался иногда по нѣскольку дней, въ зависимости отъ того, «какова была домашняя сцена». Наконецъ, онъ поймалъ жену въ измѣнѣ, тещу въ сводническомъ потворствѣ — произошелъ разрывъ. Поселился отдѣльно, снявъ скромное помѣщеніе. Въ его рабочей комнатѣ стоялъ огромный столъ изъ сосноваго дерева, на столѣ четырехугольная чернильница, около — нѣсколько гусиныхъ перьевъ, тутъ же тетрадь нотной бумаги, противъ оконъ — старое четырехугольное фортепіано. Какъ то, показывая на эти предметы, Глинка сказалъ Ю. К. Арнольду:

— Вотъ за что дорого дадутъ послѣ моей смерти!

Глинка боялся одиночества. Его тянуло на люди. Кутежи были не только добродѣтельны, но и поэтичны. Ихъ всегда сопровождали музыка, стихи, творчество. На той же самой квартирѣ, въ простой обстановкѣ, Глинка принималъ у себя знаменитаго гостя, Франца Листа. На свой пятый концертъ Листъ назначилъ «вольную импровизацію». Темы должна была задавать публика. Въ корзину положили всего 15-16 мотивовъ, — темы изъ Гайдна, Моцарта, Бетховена и Мендельсона. Но среди нихъ былъ еще одинъ нотный листокъ чуть-чуть большаго формата.

— А! Прекрасно! Вотъ двѣ темы заразъ, — воскликнулъ Листъ и сыгралъ ихъ. Первый мотивъ былъ изъ «Жизни за царя», — пѣсня Вани

(«Какъ мать убили...»). Вторымъ мотивомъ оказался маршъ Черномора изъ оперы «Русланъ и Людмила». Листъ сыгралъ, и залъ отвѣтилъ оглушительными аплодисментами.

Листа наперерывъ чествовали въ петербургскихъ салонахъ. Устроилъ у себя вечеринку и Глинка. Собрались графъ Вельегорскій, Сологубъ, Даргомыжскій, пѣвецъ Петровъ, пианистъ Фольвейлеръ, братья Кукольникъ. Комнату обставили соснами и елями, между ними повѣсили пестрые ковры, на полу размѣстили матрацы, накрытые коврами, смастерили шатеръ. Къ тремъ, связаннымъ вверху шестамъ, прикрѣпили короткую цѣпь, а къ ней большой котелъ съ ромомъ. Все это украсили цвѣтными фонарями, и на фортепьяно поставили пару многоручныхъ шандаловъ съ восковыми свѣчами. Пѣли, играли, Листъ исполнилъ изъ оперы — «Жизнь за царя» увертюру и персидскій хоръ, Петровъ — арію Руслана, Глинка, пѣвшій теноромъ, — арію Ратмира, закусили, развеселись и хозяинъ произнесъ спичъ. Глинка говорилъ объ интеллигенціи всего міра, этой единой общей семьѣ, о богемѣ («Цыганіи») и о ея королѣ, Листѣ. Снова пѣли, и Листъ былъ въ восторгѣ отъ этого вечера. Онъ вспоминалъ объ этомъ и потомъ, за границей. Тогда Глинка ѣздилъ нѣсколько разъ, — не только лѣчиться, но и учиться. Съ иностранными преподавателями онъ занимался даже въ расцвѣтъ своей славы, совершенствуясь, всегда оставаясь довольнымъ собою, требовательный, и настойчивый. Въ Парижѣ Глинку посѣтилъ Мейерберъ. Заговорили о Глюкѣ.

— Но вы очень требовательны! — замѣтилъ Мейерберъ.

— Я на это имѣю полное право, — отвѣчалъ Глинка. — Я такъ же отношусь и къ своимъ собственнымъ произведеніямъ, которыми рѣдко бываю доволенъ.

Это была правда. За четыре года до смерти, томимый хандрой, Глинка прочелъ «1001 ночь», и, вспоминая объ этомъ, записалъ: «Жаль, что я не читалъ этихъ сказокъ до сочиненія моей оперы «Русланъ». Свою «Жизнь за царя», онъ назвалъ «старухой». Геніальность у него была и въ строгой требовательности. А. Н. Сѣровъ, упоенно, но и справедливо отмѣчаетъ разностороннюю одаренность этого человѣка. Въ Глинкѣ сочетались всѣ дары музыканта: красивый, сильный и гибкій голосъ, талантъ управленія имъ, техника, соединенная съ обдуманностью, и наукой, высшее художественное пониманіе музыки, ея духа, средствъ, цѣли и глубинъ, артистическое совершенство декламации и музыкальнаго исполненія, драматизмъ, юморъ, вкусъ и чутье. Глинка еще и рисовалъ и писалъ. У него былъ необычайно впечатлительный слухъ. Онъ присутствовалъ на обрученіи и бракосочетаніи вел. кн. Маріи Николаевны. Во время обѣда играла музыка, пѣлъ теноръ Поджи, но Глинку поразило не это. Стоя на хорахъ, онъ обратилъ вниманіе на стукъ ножей, вилокъ и тарелокъ, и это дало ему мысль ввести шумъ въ интродукцію «Руслана». Можно себя представить, какъ онъ долженъ

былъ страдать отъ иныхъ текстовъ «Жизни за царя»! Авторъ либретто Розень сочинялъ:

Мой суженый придетъ,
Возговорить: здорово!
Со мною поведетъ
Ласкательное слово...

Межъ тѣмъ, въ честь Глинки писали стихи лучшие поэты, и шутливый «Канонъ» былъ сочиненъ Жуковскимъ, Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и Соболевскимъ. Вотъ начальная строфа:

Пой въ восторгѣ русскій хоръ!
Вышла новая новинка,
Веселися, Русь! Нашъ Глинка —
Уже не Глинка, ужъ не Глинка, а фарфоръ.

Смерть Пушкина тяжело отозвалась и на самомъ Глинкѣ и на его «Русланѣ». Поэма его плѣнила. Сотрудничество съ Пушкинымъ казалось прекрасной мечтой. Въмѣсто Пушкина пришлось удовлетвориться нѣкимъ Бахтуринымъ. Глинка самъ не понималъ, какъ это могло произойти, — недоумѣвалъ: «Бахтуринъ вмѣсто Пушкина! Какъ это случилось?». Пушкинскіе напѣвы будили вдохновеніе Глинки много разъ, въ разные періоды его жизни, ставъ канвой цѣлаго ряда романсовъ, — «Инезиля», «Ночной зефиръ», «Въ крови горитъ», «Я помню чудное мгновенье», «Заздравный кубокъ» и т. д.

Любившій Глинку, близко стоявшій къ нему, писатель Несторъ Кукольникъ въ своемъ дневникѣ обронилъ странную мысль. Онъ отрицаетъ значеніе слова въ музыкѣ. Когда-то вышла книга Цезаря Кюи «Исторія романса». Одинъ изъ ея самыхъ цѣнныхъ выводовъ говорить о великой роли стихотворнаго слова въ напѣвѣ и красотѣ романса. Поэтъ — всегда вдохновитель композитора. Но Глинку волновали не только стихи, но и жизнь, и женщины, и любовь. Разлука съ невѣстой, казавшаяся ему невыносимой, навѣяла арію «Жизни за царя», — томную мольбу: «Не томи, родимый!». Увлеченія «Каролиной», Е. К. (Кернъ), Мицци волновали, возбуждали творческій процессъ, стали толчками для новыхъ замысловъ, источниковъ новыхъ силъ, новыхъ произведеній, какъ и пронесшіеся, услышанные напѣвы, случайныя русскія пѣсни, итальянскіе, испанскіе мотивы.

Глядя издали на жизнь Глинки, ей можетъ позавидовать каждый, и только вблизи открываются терніи, огорченія и разочарованья. «Жизнь за царя» вытѣснили итальянцы, оперу ставили не въ Большомъ театрѣ, а въ Александринскомъ, спектакли проходили кое-какъ, небрежно и случайно, въ табельные дни, безъ репетицій. Глинка говорилъ сестрѣ:

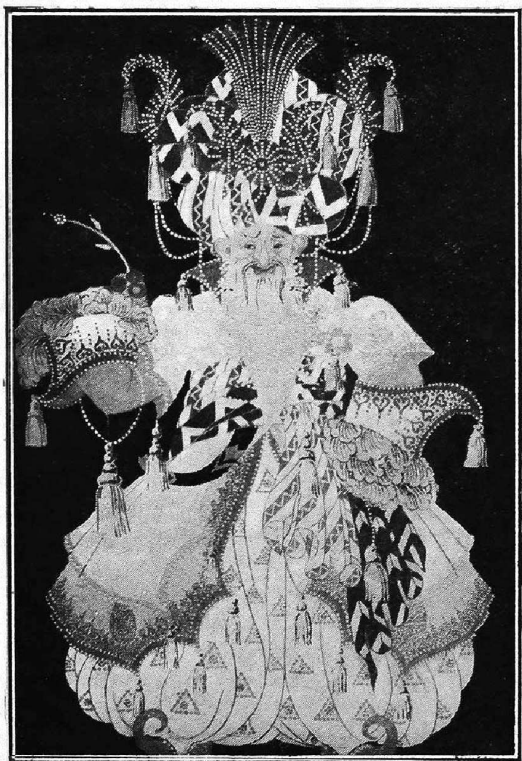
— Поймутъ твоего Мишу, когда его не будетъ, а «Руслана» черезъ 100 лѣтъ.

Глинка умеръ раннимъ утромъ 15-го февраля, — умеръ спокойно, съ мечтой о Комо, такъ и не увидавъ своей страны, гдѣ былъ часто счастливъ и не разъ огорченъ.

Р. Вельскій.

Художникъ Б. Билинскій

ТОЛЬКО-ЧТО закрылась выставка Бориса Билинского. Это молодой художникъ, сдѣлавшій себѣ имя уже въ эмиграціи, на чужбинѣ, но имя завидное и многообѣщающее. Творчество его — декоративное, тѣсно связанное съ театромъ и кино-постановками. Билинскій — модернистъ. Порою, стилизованность

ЭСКИЗЪ ДЛЯ «ШЕХЕРАЗАДЫ»

его очень условна. Но это мы нисколько не ставимъ въ минусъ ему. Можетъ быть, или пожалуй даже, навѣрное — такъ и надо, чтобы изъ этой строгой стилизаціи выходили живые и яркіе образы . . .

А что они выходятъ и живыми и яркими, это мы видимъ изъ рисунковъ Билинского къ «Шехеразадѣ», «Казановѣ» и «Льву Моголовѣ».

Билинскій столь же тонко чувствуетъ, сколь и передаетъ, Востокъ съ его пышностью, сказочностью и чисто ювелирной орнаментикой и той «нанизанностью» кружевъ, ослѣпительныхъ пятенъ и драгоцѣнностей, которыя говорятъ о несмѣтныхъ сокровищахъ и неизсякаемомъ великолѣпїи странъ Полуденныхъ.

Это относится къ «Шехераздѣ» и «Льву Моголовѣ».

Совсѣмъ другимъ является Билинскій, но и здѣсь онъ чувствуетъ себя, какъ дома, въ мірѣ пудренныхъ париковъ, петиметровъ въ атласныхъ камзолахъ и хрупкихъ изящныхъ дамъ, шуршащихъ своими кринолинами.

Все это вѣрно эпохѣ, такой изысканной, такой жеманно-манерной, такой «реверансной» и куртуазной.

Это благодаря Билинскому мѣстами такъ «костюмень» и стилизъ Мѣзжихинъ, изображающій Казанову.

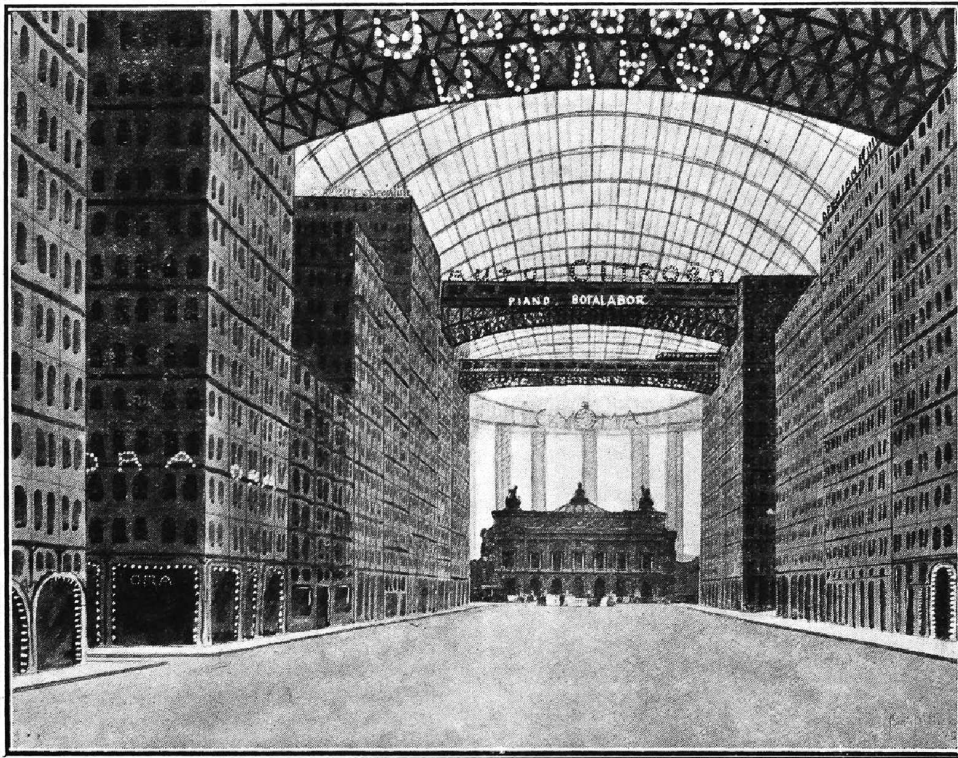
Но, увы, далеко не всѣ артисты обладаютъ способностью перевоплощаться въ стилизованные прототипы, искусственно и мастерски созданные Билинскимъ.

Напримѣръ, чудесенъ его рисунокъ, озаглавленный «Русскій генераль», относящійся къ Николаевской эпохѣ, такъ неудачно истолкованный кино-фильмомъ «Бѣлый Дьяволъ».

«Генераль» Билинского весь, съ головы до ногъ, военный, баринъ и вельможа. Это именно

«РУССКІЙ ГЕНЕРАЛЬ»
(«Бѣлый дьяволъ»)

«АВЕНЮ ОПЕРА» ВЪ 1975 г.

ЧЕРВОННЫЙ ВАЛЕТЪ

тотъ самый Воронцовъ, у котораго были такія прямо «державныя» манеры и такое же державное обаяніе. Если бы артистъ, игравшій Воронцова, проникся этимъ образомъ, онъ далъ бы совсѣмъ другое, чѣмъ далъ въ дѣйствительности.

Особенно заговорили о Билинскомъ послѣ его эскизовъ къ декораціямъ «Руслана и Людмилы» въ театрѣ Елисейскихъ Полей. Здѣсь именно способный художникъ выявилъ цѣликомъ то чувство сказочнаго Востока, о которомъ упомянуто было нами только-что. Мы не знаемъ, былъ ли Билинскій въ знаменитомъ тысячеколонномъ Кордуанскомъ соборѣ, передѣланномъ — и весьма неудачно — изъ мусульманской мечети, но его эскизъ «Тысячи и одной колонны» даетъ именно то впечатлѣніе, съ которымъ покидаешь Кордуанскій храмъ, съ его мавританскими подковами легкихъ арокъ, переходящихъ книзу въ такія же легкія колонны.

Билинскій прекрасный рисовальщикъ. Его модернистическія блески, скупыя и сжатые, — это одно, а его тщательныя разработки костюмовъ — это другое: тамъ все на мѣстѣ, все пылливо высмотрѣно, все «ювелирно» и заставляетъ вспомнить лучшія работы Бакста въ этомъ же направленіи.

Мы не сомнѣваемся, что и Билинскаго, хотя онъ и идетъ своимъ путемъ-дорогою, ожидаетъ такая же, въ международномъ масштабѣ, популярность, какая выпала на долю безвременно угасшаго Бакста...

Б.

Она умирала...

Она умирала...

Ей было только двадцать семь лѣтъ.... Въ сущности, — вся жизнь была еще впереди... Жизнь многокрасочная, многогранная, съ ея переливами, приливами, отливами, радостями и печалами... Но все-таки — жизнь. Состояніе, когда существо движется, мыслить, къ чему-то стремиться, отъ чего-то отшатывается, преслѣдуетъ какіе-то идеалы, то смутные, то ярко-опредѣленные... Жизнь — сонъ сіяющихъ звѣздъ во мракѣ вселенной...

Она умирала тихо и незамѣтно, лежа неподвижно въ своей постели, въ крошечной комнатикѣ дешевой парижской мебелированной квартирки въ грязномъ районѣ полу-аппашкаго, полу-развратнаго квартала Менильмонтанъ.

Казалось, точно нѣжная роза послѣ пышнаго бала доживаетъ свои послѣдніе часы, храня еще въ своихъ лепесткахъ ароматъ той, на прелестной груди которой она покоилась въ теченіе столь короткаго, мотылечно-призрачнаго времени...

Она умирала... Вѣки ея были полузакрыты, но порой изъ подъ длинныхъ шелковистыхъ рѣсницъ проскальзывалъ тоскливый вопрошающій взоръ... Точно она кого-то искала во кругъ себя и... не находила...

Блѣдныя похудѣвшія руки лежали безпомощно вдоль ея тѣла, прикрытаго дешевымъ одѣяломъ... Это одѣяло закрывало ее по грудь. Пряди густыхъ волосъ, цвѣта спѣлой ржи, буйнымъ каскадомъ разметывались по обѣимъ сторонамъ прелестной головки, точно выточенной въ каррарскомъ мраморѣ рѣзцомъ великаго скульптора...

Изсиние-блѣдныя уста были плотно сжаты. Изъ нихъ отъ поры до времени вырывался тихій, едва слышный стонъ...

Она умирала...

*

*

*

Подошла мать. Сѣдая, съ заплаканными глазами... Подлинная русская мать, сохранившая и въ изгнаніи на своемъ лицѣ, во всей своей внѣшности чисто-русскій «тамошній» отпеча-

токъ, стереть, изгладить который не удалось никакимъ заграницамъ.

Она притронулась нѣжной рукой къ похолодѣвшему лбу дочери.

— Что, дитятко, что, милая... Не спишь?..

Праздный вопросъ, продиктованный необходимостью проронить какія-то слова, въ смыслъ которыхъ самъ не вѣришь въ эту минуту. Можетъ ли спать Лиля теперь, когда ея духовные взоры уже видятъ этапы надвигающагося безконечнаго, вѣчнаго странствованія въ заоблачныхъ высяхъ...

Лиля сдѣлала невѣроятное усиліе... Въ ея потускнѣвшемъ взорѣ блеснулъ огонекъ мучительнаго вопроса... Иссохшія губы разжались и что-то беззвучно прошептали...

Мать заботливо наклонилась.

— Что, родная?..

Лиля повторила движеніе губъ.

И мать поняла...

— Сережа?.. Ты хочешь видѣть Сережу?..

Ну, конечно, онъ скоро придетъ... Я, вѣдь, тебѣ еще вчера сказала, что онъ видѣлся со мной и общалъ непременно тебя навѣститъ сегодня... Онъ долженъ быть у насъ съ минуты на минуту.

Въ этой чужеземной дешевой мебелированной обстановкѣ это «у насъ» звучало глубокой, душераздирающей ироніей...

Лиля какъ-будто успокоилась, но тускнѣвшіе изъ подъ полуспушенныхъ вѣкъ глаза по-прежнему пристально всматривались въ доступную имъ сторону комнатки, откуда долженъ былъ появиться «онъ», тотъ, котораго ждала уходящая отъ жизни...

* * *

Робкій стукъ въ дверь... Мать опрометью бросается къ ней и выпускаетъ въ комнату чело-вѣка лѣтъ подъ сорокъ, со слѣдами бывлой красоты на увядшемъ, истрепанномъ попойками и безсонными ночами лицѣ. Онъ нерѣшительно шагнулъ къ кровати и остановился, не имѣя силъ приблизиться...

— Подойдите, Сережа... Она хотѣла бы, чтобы вы хоть теперь посидѣли около нея...

Въ словахъ матери, хотя и произнесенныхъ

тихо и грустно, отчетливо угадывался глубокий укорь.

Сережа подошелъ, присѣлъ на край кровати и взялъ въ свои руки одну изъ блѣдныхъ холодѣвшихъ рукъ Лили. Холодное прикосновеніе повліяло на него, и онъ невольно посмотрѣлъ съ неподдѣльнымъ ужасомъ на мать. Та поняла нѣмой вопросъ и также молча отвѣтила на него.

Сережа почувствовалъ легкое, едва уловимое движеніе пальцевъ Лили. Глаза ея были устремлены на него. Губы беззвучно шевелились...

— Что?.. Что такое?..

Лили что-то прошептала... И Сережѣ показалось, что она произнесла слово: «прощай»...

Потомъ наступило глубокое молчаніе... Лили порывисто дышала въ предсмертныхъ объятіяхъ... Сережа, низко склонивъ голову, сидѣлъ у ея изголовья... Мать стояла рядомъ... Ангелъ смерти рѣялъ въ этой комнатукѣ...

* * *

— Мамочка, — вдругъ прошептала испуганно Сережа, — мнѣ кажется, мнѣ кажется, что Лили... отошла...

Хотя она и ждала съ минуты на минуту этого исхода, мать порывисто бросилась къ Лилѣ... Притронулась къ ея лбу... Холодень... Поднесла зеркальце къ ея губамъ... Безполезно.

Сердце больше не бьется...

Лили больше нѣтъ...

* * *

Наступило глубокое, на этотъ разъ полное тяжелыхъ новыхъ думъ молчаніе.

Сережа медленно всталъ... Провелъ дрожащей рукой по густымъ съ просѣдью волосамъ. Наклонился, поцѣловалъ Лилію въ лобъ... Слѣлалъ два-три шага къ выходу... Потомъ остановился.

— Мамочка, — глухо произнесъ онъ, — мамочка...

— Что?.. — сквозь съ трудомъ проглатываемыя слезы произнесла мать.

— Мамочка, простила ли она меня?..

Старуха встрепенулась.

— Простила ли тебя Лили?.. И ты спрашиваешь?.. Неужели ты не понялъ, что я тебя

вызвала исключительно по ея настоятельнымъ просьбамъ... Не будь этихъ просьбъ умирающей, я бы ни за что къ тебѣ не обратилась... Потому что я-то не забыла и никогда не забуду все зло, которое ты причинилъ моей Лилѣ.

Онъ ничего не отвѣтилъ... Протянуть руку матери Лили не посмѣлъ... Бросилъ послѣдній взглядъ на похолодѣвшій трупъ, и медленно вышелъ изъ комнатукѣ... Отзвучали его тяжелые шаги въ корридорѣ, потомъ все стихло. Только съ улицы доносились звонки трамваевъ и порой гудки автомобилей, — обычный парижскій аккомпаниментъ и радости, и горя...

* * *

Оставшись наединѣ съ трупомъ дочери, старуха застыла въ неподвижной позѣ у кровати, не спуская глазъ съ милаго, столь знакомаго лица, которому теперь суждено исчезнуть навѣки подъ землей...

И, точно въ калейдоскопѣ, промелькнули видѣнія столь недавняго прошлаго...

Россія... Революція... Гражданская война... Мужъ Лили, Сережа, раненъ, и его съ трудомъ удастся спасти отъ большевиковъ въ Крыму...

Потомъ — извѣстный всѣмъ страдный путь русской бѣлой эмиграціи: Константинополь, постепенные этапы на путяхъ къ завѣтному Западу, къ Парижу, сверкавшему въ отдаленіи надеждой и многими обѣщаніями...

Пріѣздъ въ Парижъ... Первые моменты ошеломленія отъ фантастической сутолоки этого огромнаго, вѣчно нервнаго, вѣчно трепещущаго города... Первые шаги въ поискахъ куска хлѣба... Первые разочарованія... Постепенно подошедшая тяжелая, безысходная нужда...

Погасли, не успѣвъ просіять, парижскіе огни...

Сережа отдался теченію, и вскорѣ забылъ Лилію, покинулъ ее...

Для нея это было тяжелымъ ударомъ, потому что она беззавѣтно любила... Но она замкнулась въ самой себѣ, и только одна мать чутьемъ догадывалась, до какой степени она надрывно страдаетъ...

Потомъ — болѣзнь, не прощающая, страшная, жестокая болѣзнь...

И въ это зимнее парижское утро Лили не стало...

*
* *

Наступить время... Рушатся суровыя преграды и вольный путь откроется къ російскимъ предѣламъ для измученныхъ, настрадавшихся русскихъ эмигрантовъ... Впереди замаячатъ кремлевскіе купола... Разстелятся передъ очарованными взорами многоводныя русскія рѣки, нивы, луга, безпредѣльные лѣса...

Воскреснетъ Россія къ новой жизни...

Но нѣжной Лили тамъ небудетъ...

Никто даже о ней не вспомнить, и съ теченіемъ времени ея крошечный могильный холмикъ на одномъ изъ многочисленныхъ парижскихъ кладбищъ поростетъ травой, потомъ совершенно исчезнетъ и... непобѣдимая смерть поставитъ точку надъ побѣдительною жизнью...

Была нѣжная, хрупкая Лилиа... Не стало ея...

Александръ Филипповъ

Изъ Эдмонда Гарокура

Уѣхать, умереть, все то же:
Клочокъ души похоронить!
Куда-то въ вѣчность уронить
То, что всего, всего дороже;
Чему-то втайнѣ измѣнить,
Томъ жизни конченный закрыть.

Уѣхать, умереть — все то-же!

И каждый разъ, смѣясь, шутить;
Но стать еще бѣднѣй и строже!
Всего себя — не воротить;
Клочками рвется жизни нить.

Уѣхать, умереть — все то же!

**
**

Мучитель я! Вблизи — бываю злой.
Но такъ и быть. Хоть любишь ты напраено.
Попробуемъ быть счастливы съ тобой.
Ты хочешь быть моею? Опасно:
Я дамъ тебѣ, пожалуй, даже больше,
Чѣмъ ты мнѣ дашь. Ты прячешься! А я —
Разъ мы рѣшили, я не мучу дольше:
Вотъ, вся душа раскрытая моя!

Читай — какъ книгу! Хочешь «вмѣстѣ»?
Ладно.

— Что вижу!?. Сбоку — рѣзкій
слѣдъ ногтей?

И чьи-то пальцы, кляксы въ ней!
Листы потрепаны... Досадно!

А я-то думалъ: «книга для царицъ!
Картинки рѣзаны по стали!»
Но кое-какъ меня перелистали;
И многихъ не разрѣзали страницъ!

Ив. Тхоржевскій

Нина Кошицъ въ Парижѣ

Какъ много въ этомъ имени слилось для русскаго зарубежья.

Какъ то неотдѣлимы наши московскія воспоминанія отъ Нины Павловны Кошицъ.

Москва и москвичи хорошо помнятъ отца Н. П. Кошицъ — перваго тенора Императорскаго Большаго Театра, тенора «героическаго», который плѣнялъ своимъ искусствомъ шести-ярусную громаду московской оперы «Раулемъ» въ «Гугенотахъ» съ нашими примадоннами: Верни, Крутиковой, Коровиной или Альмой Фостремъ — «шведскимъ соловьемъ».

Н. П. КОШИЦЪ
(въ роли Лизы, оп. «Пиковая Дама»)

Въ ту пору Нина Кошицъ, прелестная дѣвушка съ длинными косами, — тургеневскаго типа, — прилежно училась въ Московской Консерваторіи игрѣ на фортепіано у знаменитой А. К. Аврамовой, а потомъ у проф. Игумнова, хранителя классическихъ завѣтовъ знаменитой школы Пабста, изъ которой вышла цѣлая плеяда русскихъ виртуозовъ и педагоговъ-піанистовъ, и затѣмъ занималась композиціей у «отца контрапункта» С. И. Танѣева, гдѣ она была единственной женщиной.

Н. Кошицъ почти шутя начала пѣть, училась у стараго итальянскаго проф. Мазетти, шутя кончила Консерваторію по двумъ специальностямъ: фортепіано и пѣніе. Совершенствовалась у Феліи Литвинъ. Дебютировала въ Частной Оперѣ Зимина, въ оперѣ, гдѣ потолки и занавѣсъ расписаны

были Врубелемъ, гдѣ Сѣровъ, Васнецовъ, Полѣновъ и Коровинъ — корифеи русской живописи — писали декораціи.

Въ оперѣ, созданной Саввой Мамонтовымъ, гдѣ впервые поставленъ былъ «Садко» подѣ управленіемъ самого Н. А. Римскаго-Корсакова. Гдѣ началъ свою артистическую карьеру Федоръ Шаляпинъ.

Въ этой чарующей обстановкѣ подлиннаго искусства развилась и выросла она въ замѣчательную русскую артистку.

Нина Кошицъ, о которой теперь спорятъ «семь городовъ» и такіе композиторы, какъ Мейснеръ, Гречаниновъ, Прокофьевъ, Черепнинъ, Глазуновъ или Равель, аккомпанируютъ ей сами и слагаютъ ей эпистолы, строфы, сонеты и романсы.

При этомъ, есть произведенія, написанныя исключительно для Нины Кошицъ, какъ, на примѣръ, послѣдніе шесть романсовъ С. Рахманинова на тексты современныхъ поэтовъ, которые можно пѣть только такимъ «соловьинымъ горломъ», которымъ Господь Богъ наградила Н. Кошицъ.

Въ одномъ изъ огромныхъ и парадныхъ концертныхъ залъ Парижа, набитомъ до отказа, намъ пришлось не такъ давно прослушать «Вокализъ» Рахманинова въ исполненіи Н. Кошицъ.

Это было поистинѣ что-то изумительное и одинъ старый музыкальный критикъ, все перевидавшій и переслыхавшій, тогда писалъ:

...Это не голосъ. Это елей, который струится изъ серебрянаго сосуда и падаетъ аметистами, сапфирами и жемчугами на теплый каррарскій мраморъ!

Правъ былъ старый критикъ. Лучше и не придумаешь.

Сейчасъ Н. П. Кошицъ вернулась изъ долгаго артистическаго путешествія по Америкѣ въ Парижъ, про который она остроумно говоритъ:

... Люблю Парижъ «до смерти», и даже домъ здѣсь купила въ Отэй, но всегда помню, что деньги нужно дѣлать по всему свѣту, а проживать только въ Парижѣ!

Также дѣлаетъ Ф. Шаляпинъ, С. Кусевикій или С. Рахманиновъ: поютъ, играютъ и дирижируютъ по всему свѣту, а отдыхаютъ въ Парижѣ.

Н. П. Кошицъ связана стародавней дружбой съ ея величествомъ прессой, а въ томъ числѣ и съ журналомъ «Театръ и Жизнь».

Вернувшись изъ Америки, Н. Кошицъ въ живой, дружеской и остроумной бесѣдѣ рассказала о минувшемъ сезонѣ, о заокеанскихъ нравахъ и музыкально-театральной жизни Соединенныхъ Штатовъ, о своихъ знаменательныхъ встрѣчахъ, о президентскихъ и королевскихъ приѣмахъ, о новыхъ композиторахъ, о своихъ успѣхахъ въ кино и о всемъ томъ, что искрится и пѣнится, какъ шампанское въ передачѣ такой талантливой и увлекательной собесѣдницы, какой является Н. П. Кошицъ.

...На всѣхъ московскихъ какой то отпечатокъ и большой печатью родная Москва отмѣтила Нину Кошицъ.